
«Только детские книги читать...»

В заочном «круглом столе» принимают участие:

*Сана ВАЛИУЛИНА, Сергей ДМИТРЕНКО, Всеволод ЕМЕЛИН,
Шамиль ИДИАТУЛЛИН, Илья КОЧЕРГИН, Анастасия ОРЛОВА,
Валерия ПУСТОВАЯ, Алексей САЛЬНИКОВ, Тамерлан ТАДТАЕВ,
Айгерим ТАЖИ, Саша ФИЛИПЕНКО*

*В 2015 году «ДН» впервые предложила писателям из России и «ближнего»
и «дальнего» зарубежья вспомнить КНИГУ своего детства и рассказать
о любимых книгах детей и внуков.*

За три года — 64 истории.

В этом номере — новые авторы и новые книги.

Сана Валиулина, прозаик (г.Амстердам)

«У меня были книги-наваждения»

В детстве я очень не любила, когда меня спрашивали, какая у меня самая любимая книга. Это был такой абсолютный вопрос, от которого я всегда терялась. Ведь раз его задавали, значит у тебя просто обязана была быть такая книга о главном-главном. А у меня ее не было, и я страдала от того, что не могла, как другие дети, сразу бодро и положительно ответить на этот вопрос. Получалось, что я какая-то не такая и даже, может, достойна презрения. Ведь как это так, если у человека одна мама и один папа, одна любимая подруга, одна любимая родина, и мы живем в стране, где нами руководит одна партия, то значит совершенно логично иметь одну любимую книгу о самом главном. А раз у тебя ее нет, как же тогда с самым главным в жизни, без чего не станешь полноценной личностью и настоящим человеком.

Но кто же в детстве, да и потом, впрочем, хочет быть хуже других? Поэтому я все же иногда совсем конформистски называла какую-нибудь книгу, а потом меня грызла совесть. Почему? Да потому что книги, которые я взахлеб и вперемешку читала, выживая их из большой папиной библиотеки, были мои друзья, и называя одну из них своей самой любимой, я при этом предавала другие. Вот такие у меня были экзистенциальные мучения в детстве.

Так что можно сказать, что самых любимых книг у меня было множество. Но были и книги-наваждения, которыми я могла довольно долго бредить.

Начну с самого раннего детства, с *Конька-Горбунка*. Чем уж он меня покори́л, точно не скажу — на то это и было наваждение, — но покори́л так, что я без конца его читала или мне его читали, и так же бесконечно рассматривала картинки с говорящим месяцем, подводным царством и чудо-китом, на котором росли деревья и рощи, стояли церкви и дома, и ходили люди. Или часами, как мне сейчас кажется, мечтала — о чем? — глядя на восточную царь-девицу с осиной талией, очень красивую и очень сердитую. Но лучше всего помню то дивное состояние души, которое мы называем предвосхищением. Так вот, все эти смешные и красивые картинки и стихи были полны предвосхищением кульминации, того самого прекрасного момента, когда наш Иван прыгает в кипящий котел и выныривает оттуда благородным красавцем, а противный дряхлый царьбух в котел — и там сварился. Царь-девица и Иван женятся, детская душа вместе с народом радуется и поет, справедливость восторжествовала, но для меня дело было не столько в этом, сколько в чудесном превращении Ивана в красавца-князя. И вот этот самый момент метаморфозы, то бишь сцену у трех котлов, я всегда ждала, затаив дыхание, а потом переживала, каждый раз заново, с совершенно первозданным восторгом.

Потом я заболела Бидstrupом, был такой датский карикатурист с коммунистическими симпатиями, которого издавали в СССР. Бидstrup был исключением в том смысле, что это была не наша книга, а тети Веры, жены мамино́го брата. Когда мы приходили к ним в гости, все шли направо, в большую комнату, где был накрыт стол, а я шла налево, в маленькую, где меня уже ждала толстая книга с карикатурами Бидstrupа. Там на каждой странице размещался рассказик в картинках. Из всех этих рассказиков мне почему-то запомнился тот, где все подряд поскальзываются о банановую кожуру. Такой стандартный слэпстик. То ли эта банановая кожура на меня так магически действовала, бананов ведь тогда у нас в помине не было, а тут они, можно сказать, под ногами валяются, уж не знаю. А еще Бидstrup, хоть и коммунист, но описывал вполне буржуазную жизнь. Дамы в элегантных костюмчиках сидят в кафе, с сигаретой и чашечкой кофе, мужчины в шляпах пьют коньяк и курят сигары, другие дамы в кокетливых шляпках и на каблучках выгуливают собачек. В общем эти картинки излучали эдакий дискретный шарм буржуазии, тайну которого я и по сей день не могу разгадать.

Потом я полюбила сказки Вильгельма Гауфа. *Карлика Носа*, *Холодное сердце*, *Маленького Мука*. В *Холодном сердце* была такая мрачная, ветхозаветная атмосфера и черный лес Шварцвальд со страшным великаном, где рубили и плавил лес и люди-нелюди с каменными сердцами в груди, и ясная четкая мораль, как и положено в европейских сказках. А вот, например, про *Маленького Мука* хочу сказать, что кроме самой сказки мне еще очень нравилось ее название. Что-то в нем было загадочное и мне хотелось все время повторять его. Еще меня интриговал сам Вильгельм Гауф. Он умер, когда ему было всего двадцать пять, то есть он был даже младше Лермонтова, которому все-таки уже исполнилось двадцать семь, и я помню, что мне было очень жалко его и я думала о смерти и какая это странная судьба — умереть таким молодым.

А уже попозже, мне было наверное лет тринадцать-четырнадцать, я прочитала *Над пропастью во ржи*. Ну, тут вообще все было непонятно, ни тебе четкой ясной морали, ни жестких причинно-следственных связей, ни главного героя, который должен был пройти испытания, чтобы стать человеком. Даже название, и то было каким-то смутным — ну что значит *Над пропастью во ржи*? При этом главный герой Холден честно мучился какими-то своими мучениями, и самое интересное, что они передавались мне и брали за душу. Он как зеницу ока берег таинственную рукавицу, которой играли в бейсбол, о котором я понятия не имела. У него были странные отношения с одним учителем, с родителями. Я многого не понимала, но мне это было абсолютно все равно, и я продолжала читать, как зачарованная. Тут еще, думаю, форма повлияла на содержание, придав дополнительный, загадочный смысл. Книга

была замечательно издана. На черно-белой обложке мальчик-подросток с короткой стрижкой и в рубашке с открытым воротом прислонился к дверному косяку, одна рука поднята вверх и держится за косяк. Он стоит в темном деревянном строении, то ли в амбаре, то ли в сарае, за его спиной на противоположной стене видно окно, куда проникает свет, и смотрит куда-то вдаль, в мир, который мы не видим. Меня сразу поразило его лицо, очень необычное, но не то что бы красотой, а каким-то, скажем, совершенно несоветским и негеройским выражением. Возможно, в этих негеройских, мечтательных глазах как раз и таилось и таится то самое главное-главное, что очень трудно или, может, почти невозможно выразить словами.

Потом, кстати, папа нашел эту репродукцию, уже цветную, и оказалось, что у мальчика голубые глаза и голубая рубашка. К сожалению, не знаю (американского) автора этой картины. Ее использовали для обложки журнала *Америка*, который папа откуда-то достал. Он повесил ее на стенку, и она у нас там висела до смерти родителей.

Вот так я и жила, читая, предвосхищая, переживая, жалея и раздумывая над судьбой героев и писателей. В какой-то момент я перестала страдать, что у меня нет самой любимой книги, решив, что я просто читаю одну большую большую и толстую-толстую книгу, где герои ищут главное главное, ну и я вместе с ними.

Сергей Дмитренко, прозаик (г. Москва)

От «Мурзилки» к соллипсизму

Одна из главных педагогических жалоб сегодняшнего времени состоит в том, что дети ничего не читают, а только сидят в компьютере.

То, что ничего не читают, это, вне сомнений, неправда. Читают современные дети немало, а может, и много, но не книги, а с экрана и т.п. Пожалуй, нас не устраивает их круг чтения, его особенности. Но взрослым непозволительно забывать, что круги их собственного детского чтения остались в прошлом, а навязывание их детям, подавно внукам, может превратить их в круги интеллектуального ада.

Тем более что и к себе самим мы можем предъявить сходный счет: если не по количеству прочитанного, то по его качеству.

Все же сегодня, сейчас все мы (те, кто этого хочет) свободны в выборе книг для своего чтения. И наши дети тоже. Прежде всего, их никто не понуждает читать горы сочинений, сотворённых по разряду идеологического большевистского бреда, притом замешенного на псевдохристианской, лжехристианской основе. Все эти «Красные дьяволята», «Будьте готовы, ваше высочество!», «Честное комсомольское», «Бей, барабан!» и т.д. и т.п. нынешние детки могут читать лишь для того, чтобы приколоться. Никакой зюганов не сможет понудить их тратить время на книжную макулатуру.

Но зато на каждом — каждом — родителе теперь лежит ответственность за то, чтобы их чада читали только хорошие книги. И для этого есть верный и по сути единственно правильный путь. Когда у вас появляются дети, вы получаете возможность вновь пережить с ними свое детство, а из этого детства принести им свои самые лучшие книги, а с ними найти еще новые прекрасные. Вы, разумеется, не вполне впадете в детство, но кое-что существенное обретете — если с первых месяцев жизни вашего ребенка будете много, очень много читать ему вслух. Таким путем шли мои

родители — а ещё мне много читала тетя Юля, тогда незамужняя сестра папы, вдобавок к этому и учительница немецкого языка.

Именно таким образом они трое раз и навсегда обратили меня в читателя. Я слушал, слушал, а потом и сам, задолго до школы, выучился читать.

До сих пор помню то волшебное мгновение, когда я сам прочел в букваре, доставшемся мне от старшей возрастом кузины, первый рассказ.

Я смотрел на эти, давно знакомые буквы, буквы, которые не всегда успешно складывал в слоги и слова, и думал, что придется вечером идти за помощью к взрослым, потому что без них мне не узнать, что произошло с этим куда-то бредущим козликком.

И вдруг будто кто-то сказал мне сверху: «Козлик». Да, это было название рассказа, я услышал, как знакомые буквы сложились в слово, которое я только что не мог прочитать.

«Жил у Зины козлик», — продолжал читать кто-то. Я поднял голову.

Никого.

«Пошла Зина на реку», — звучало сверху, но на кухне, где я сидел на стульчике, никого не было. Бабушка отдыхала в комнате.

«А козлик уж там», — да это же мой голос!

«На реке мостик. У моста кусты».

Я дочитал рассказ и тут же прочитал его еще раз. «Козлик. Жил у Зины козлик...»

Это чудо настолько потрясло меня, что я стал читать все рассказы на раскрытых страницах, потом на соседних — и дальше, дальше...

К вечеру, когда родители пришли с работы, я прочитал весь букварь.

И началось это упоение чтением! «Мурзилка», которого мне выписывали с младенчества, «Весёлые картинки», детские книжки... Но скоро самой главной книгой, точнее, тремя главными книгами стал трехтомный «Энциклопедический словарь», вышедший как раз в год моего рождения — 1953-й. Чудесный мир разворачивался на его страницах. Карты земли и звездная карта, множество картинок и портретов, не беда, что чёрно-белых, тогда чёрно-белое было куда важнее, чем теперь.

В книгах были четыре больших вклеенных портрета — Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина — как обозначение смысловой доминанты всего издания, но сейчас расскажу о главном откровении, которое мне эти книги дали.

Читая огромные статьи о «гениальном мыслителе, корифее революционной науки» Марксе, «вожде и учителе международного пролетариата» Энгельсе, «величайшем гении человечества» Ленине и его «верном ученике и соратнике», «великом продолжателе его бессмертного дела» Сталине, я обратил внимание на то, что эти пастыри человеческого стада — страстные борцы за утверждение своих идей, в частности, неустанно наносили «сокрушительные удары» по «буржуазной идеалистической философии».

Стремление узнать, что же это за философия такая, которая, как трактует достославный словарь, мешает жить прогрессивному человечеству и требует постоянной борьбы с нею, я пустился в путешествие по статьям этого словаря и вскоре добрался до понятия солипсизм, которое объяснялось как «философское воззрение, признающее единственной реальностью только мое «я» и отрицающее существование всего остального мира». И хотя затем заявлялось, что «к абсурдным выводам солипсизма неизбежно ведет субъективный идеализм», а солипсизм «опровергается повседневной практикой и наукой», это меня уже не впечатляло.

Существование солипсизма было для меня головокружительно прекрасным открытием!

Да, только мое «я» может создавать ту реальность, в которой мне хочется жить. Я могу пригласить в свою реальность геолога с удивительной фамилией Иностранцев, Александра Иностранцева, исходившего север России и открывшего множество

месторождений, и астронома Виктора Амбарцумяна, получившего за свои исследования звездного неба Сталинскую премию 1-й степени, и ни за что не допустить сюда, например, Вячеслава Менжинского, несмотря на то, что он был «злодейски умерщвлен троцкистско-бухаринской бандой врагов народа», или какого-то Урицкого, который «вел беспощадную борьбу с контрреволюцией и был убит эсерами» (то есть он даже не задумывался, что за его «беспощадную борьбу» и ему могут навешать пенделей).

Зато в моем мире будут энтузиаст солипсизма «реакционный английский философ» Джордж Беркли и другой философ, Фридрих Вильгельм Шеллинг, отстаивавший идею, что «природа и сознание, объект и субъект совпадают в сверхразумном духовном начале — "Абсолюте"».

Спасибо вам, беззаветные борцы с солипсизмом и всеми формами идеализма. Благодаря вашему своеобразному просвещенчеству, я смог сформироваться как свободный человек, независимый от закрепощения разного рода корпоративными обязательствами, включая ваш тоскливый коммунизм, и самостоятельно выбирающий свои пути жизненного конформизма.

Всеволод Емелин, поэт (г.Москва)

«Я бросил учиться, гулять... Я читал фантастику»

Вообще это был позор. Мальчик «из служащих», как писали тогда в анкетах в графе «Происхождение». Родители не были профессиональными гуманитариями, но много и с удовольствием читали. В семье был настоящий культ книги. Плюс была практически неограниченная возможность книги доставать. Это в те годы (конец 60-х — 70-е) встречалось крайне редко. А моя мать работала секретаршей в Управлении Делами Совета Министров СССР, у очень большого начальника. Начальнику каждый месяц из основных издательств страны присылали списки новых книг. Начальнику оставалось только поставить галочки напротив нужных наименований. Руководитель чтением не злоупотреблял, и списки практически в девственном виде доставались матери. В результате в квартире было множество книг. От собраний сочинений Вяч.Шишкова и «Библиотеки современной фантастики» до альбомов Босха и Борисова-Мусатова. Кроме того к услугам была библиотека Совета Министров, где можно было брать книги и журналы на дом, на неограниченный срок. Короче, все разрешенные тогда в Советском Союзе книги имелись в доступности.

И вот единственный ребенок этой семьи не только пошел в школу, не умея читать, но и первый класс закончил, толком не научившись. Нет, я очень любил слушать, когда мне читали книжки. А мне читали все, что положено. И Пушкина, и Винни-Пуха, и Карлсона, и Незнайку, и Гайдара... Но сам не представлял, как можно вот так взять и прочесть книжку. Это казалось мне каким-то чудесным умением, ну как водить машину или ходить по проволоке. И когда я между первым и вторым классом, болтаясь в одиночестве на даче, открыл относительно толстую взрослую книжку, а через несколько дней обнаружил ее прочитанной, я ужасно удивился и зауважал себя. Книжка называлась «Безумство храбрых» и дала мне важнейшее знание, что можно скучно написать об интересных событиях. Сорвала крышу мне следующая книга. Уже был сентябрь, я пошел в школу и на вопрос матери, что принести из библиотеки, попросил почему-то «про космические путешествия».

Среди нескольких книг, которые не запомнил, была зеленовато-желтая из донныне существующей серии «Библиотека приключений и научной фантастики». Александр Полещук «Звёздный человек». С изображением некоего крайне подозрительного мужчины на обложке. Только много лет спустя я понял, что это была одна из точек бифуркации в моей жизни. Игры, драки, кино, телевизор — все тогдашние детские развлечения оказались серой тоской по сравнению с таким чтением. Сейчас я перечитал книгу в сети. И понял, что был прав. Пусть книжка в общем и не написана. Она состоит из ряда вполне случайных эпизодов, кое-как сшитых в одно расплывающееся полотно. Пусть интриги ходульны и местами просто анекдотичны. Чего стоит история, как всемогущий межзвездный изгнанник влюбляется в девушку главного героя и в буквальном смысле обещает бросить ей под ноги всю Вселенную. Но, на мой взгляд, этим творением Александр Полещук на тридцать лет вперед задал вектор движения нашей фантастики.

В книге причудливо смешались элементы романа ужасов, романа катастрофы, детектива, психологического триллера, сатиры, мистики, фэнтези... Даже неделанность предавала ей особое очарование тайны и недосказанности. Писался «Звёздный человек» в 1957 году. Отдельной книгой вышел в 1963-м. Говорят, у подростков был очень популярен. Годы спустя в интервью президент Клуба любителей фантастики при Доме детской книги жаловался, что повесть Полещука как никакую другую постоянно воровали с их стендов. Но это единственное упоминание «Звёздного человека», которое я встречал. В те годы Ефремов писал «Туманность Андромеды» про то, как люди разных планет, построившие отдельные коммунизмы, взявшись за руки, дружно строили коммунизм во вселенском масштабе. Стругацкие тогда писали «Страну багровых туч» и «Стажёры», тоже про героическую битву хорошего с лучшим. Я, восьмилетним ребенком, ни минуты не сомневался, что основная жизнь моя пройдет при коммунизме. Главная печаль, что не с кем будет бороться после естественного исчезновения американских шпионов и отечественных предателей. Полещук избавил от этой печали начисто. Действие развивается на фоне хорошо знакомого дачного Подмосковья. И вдруг в привычном пространстве образуются неожиданные прорехи из которых тянет таким межзвездным холодом, что все козни вредителей из фильмов и книг Гайдара кажутся абсолютно незначительной ерундой. Суровый мужчина со шрамом, которого все называют Человек. Именно так, с большой буквы, что звучит особенно издевательски, учитывая, что он не только не человек, но и не инопланетянин, а боевой робот-разведчик, умеющий принимать любую форму в зависимости от обстоятельств.

«...Мой мозг... Человек прикоснулся к студенистой массе, заполнявшей его череп. — Моя нервная система... (Я увидел тончайшую сеть ответвлений, пронизывающую грудь и руки Человека. Она на секунду засветилась ярко-красным цветом и исчезла.) Мой позвоночник... — С этими словами Человек продел руки сквозь свою грудную клетку и коснулся металлических шарообразных позвонков. — Я могу быть таким, как вы меня знаете, могу быть другим... — Человек свернул свой позвоночник в кольцо и стал похожим на какого-то страшного, огромного паука... — Могу свернуться в камень...

Я закричал и бросился к двери, но меня остановил окрик Человека:

"Назад!"...»

В пятьдесят седьмом году автор, недаром сотрудничавший в журнале «Изобретатель и рационализатор», предсказал магистральный путь развития технологии. Его инопланетные гаджеты сейчас заполняют нашу жизнь. Например, «Шлем управления». Надевший его субъект управляет роботом, его словами и движениями, видит мир его глазами (камерами). Так главный (настоящий) инопланетянин забрасывает главного героя посредством шлема и роботов на астероид и в пещеру первобытных разумных существ на Венере. Предсказывает и смартфон, карманную пирамиду, в которой

сосредоточена информация всех библиотек и музеев. Когда на ней садятся аккумуляторы, герои подзаряжают ее от советской батарейки.

Владелец армии роботов ищет цивилизацию или нескольких человек, с которыми мог бы разделить будущую власть над Мирозданием. Но «Советская малина устроила совет, советская малина врагу сказала нет»...

Абитуриент, его девушка, два ученых. Один физик, один врач, но странноватый врач очень широкого профиля. «Он пытался — и не без успеха — освежить свою область привлечением физических и химических методов исследования. Он ломал трубчатые кости на ударных копрах кафедры сопротивления материалов строительного института, фотографировал и описывал осколки; сдавливал черепа в гидравлическом прессе; измерял биотоки в открытых ранах; изучал модель головки бедренной кости, сделанной из органического стекла, в поляризованном свете...»

Это чем-то напоминает безбашенных героев советской фантастики 20-х годов.

В общем, эти люди встают на пути узурпатора.

На Земле у него сразу ничего не ладится. Сначала абитуриент распиливает метеоритный камень, в виде которого его робот прибывает на нашу планету. Камень сразу срывается, но после инициации на лице у Человека образуется шрам. Мудрый дед называет его антихристом. Девушка отвергает его любовь. В отделении милиции запирают его в сейф. «Супротив милиции он ничего не смог» (В.Высоцкий). В конце концов он решает за причиненные обиды погасить земное Солнце. Но ученым удается завладеть шлемом управления, а абитуриент, которого он берет на звездолет, направляющийся к Солнцу, в нужный момент открывает люк и сгорает вместе с кандидатом в диктаторы Вселенной. Наша планетная система оказывается спасена. До следующего раза, как минимум.

В Википедии творчество Полешука связывают с Чижевским. Я не очень ориентируюсь в русском космизме, но ощущаю некоторый специфический аромат замогильных утопий Фёдорова и Циолковского и колорит картин Филонова.

А то и дело проскакивающие хармсовские фразы: «Простите, — звонил он в другую клинику, — человек без зрачков к вам не поступал?»

И главное, за свое будущее я теперь был спокоен. Страшных врагов и мест для подвига хватит и в светлом коммунистическом обществе.

За это автору можно было простить и совершенно не интересное мне копание в электрических схемах. Это, видимо, было непреодоленное влияние так называемой «фантастики ближнего прицела» 40—50-х годов, в которой советские инженеры побеждали стихийные бедствия, рак и мировой империализм посредством усовершенствования радиолампы. Простить и сатирическое изображение институтских интриг и дремучих начальников, тиранящих таланты. Эта тема потом тоже всплывет у Стругацких...

А со мной на несколько лет стало все ясно. Я бросил учиться, ходить гулять, общаться со сверстниками и взрослыми. Я читал фантастику. Стругацких, Лема, Брэдли. Не раздумывая, лез в драку, если при мне начинали хвалить мушкетеров, Майн Рида или, не дай Бог, русскую классику.

Вот такое, достаточно неожиданное, действие оказали на меня Александр Лазаревич Полешук и его повесть «Звёздный человек». Вторая книжка, прочитанная мной самостоятельно.

Шамиль Идиатуллин, прозаик (г.Москва)

История и болезни

Я рано начал читать и вскоре читал везде, всегда и все подряд. Привычка укрепилась в больницах, в которые я два-три раза в год отправлялся с хронической пневмонией и вычурной версией отита. Телевизоров там не было, компьютерные игры еще не придумали, подвижные забавы пресекались на корню, Пиковую даму после второго раза вызывать становилось неинтересно — приходилось читать все, что найдешь. Своих карлсонов и сборники сказок я прочитывал по три раза в первые же дни, а потом бродил по соседним палатам, клянча все подряд. Помнится, печальный полудокументальный роман «Земля, до востребования» про концлагерные мыкания советского разведчика Маневича я прочитал в киевской больнице, когда мне еще не исполнилось семи, — с растущим недоумением, но тщательно.

За пределами больничек и пионерлагерей, в которых приходилось трубить по две смены каждое лето, я тоже греб под себя книжки и журналы без разбора — всю фантастику и детективы, до которых мог дотянуться, почти весь детлит, включая журнальные публикации в «Пионере», «Костре» и «Уральском следопыте», а потом в «Юности» и «Авроре», и огромный случайный набор взрослых книг, от Пикуля с Адамовичем до Мопассана с Кортасаром.

Классе в третьем соседка стукнула маме: «Смотрю из окна и чуть с инфарктом не падаю — дорога к дому, по ней КаМАЗы и К-700 грохочут туда-сюда, а по обочине ваш младшенький бредет носом в журнал и на грузовики и грязизищу ноль внимания». Мне устроили выволочку, а папа убрал детские книги, кроме предусмотренных школьной программой, на антресоли, которые заколотил гвоздями. Так что я довольно рано освоил гвоздодер с молотком.

Примерно в то же время я открыл для себя автора, книги которого владели и более-менее управляли мною лет пятнадцать, а любимы до сих пор.

Свечка зажглась

Где-то в феврале 1980, кажется, года, сачкуя по случаю очередной пневмонии, я бродил в свитере по квартире и тоскливо оглядывал либо перепаканные, либо неинтересные полки. С отчаяния вытащил из-под стола пачку прошлогодних журналов «Пионер», принялся читать кусками что придется и наткнулся на продолжение повести Владислава Крапивина «Колыбельная для брата». И пропал надолго, а может, и навсегда. В той пачке было, к счастью, еще одно продолжение, а также окончание. А первых двух номеров не было. И искал я их по макулатурам да библиотекам долгие полтора года. Начало третьего куска (про визит Женьки с доносом на гетмана-злодея Петру Евгеньевичу от Кочубея) уже запомнилось мне без малого дословно и почти не требовало прелюдий и пояснений, когда нашелся первый номер — а там трагические обстоятельства кражи кошелька. И счастье под той же оборванной обложкой. И новое счастье: отыскался второй номер — а там вся правда про зеленого павиана Джимми и строительство гафельного кеча «Капитан Грант». Хотя нет, не вся. Одного листа не хватало, что заставило меня придумать кучу версий абзаца, кончавшегося почему-то словами «А потом уже не смеялись». Не угадал, естественно.

Тут надо пояснить, что сюжет повести построен на ЧП в передовой школе: кто-то из учеников украл кошелек практикантки. Обвиняют самого дерзкого, самый дерзкий, отругавшись и потихоньку отплакавшись, принимается искать подлинного

вора, попутно находит цепочку несправедливостей, составленную из мелкого рэкета, тихого страха и общепринятых подлостей, — и выходит на священный бой.

Владислав Крапивин был феноменом советского детлита и педагогики: не покидая Свердловска и обходясь почти без реверансов официальной идеологии, он подарил десяток ролевых моделей тысячам подростков, привил понимание собственного достоинства сотням тысяч, а миллионы просто обеспечил прекрасным чтением. Лучшие книги Крапивина можно изучать как пошаговые инструкции достойного существования в трудную минуту, и автор не всегда это скрывает, четко вбивая тезисы: «Самое трудное, знаешь, что? Когда ты считаешь, что надо делать одно, а тебе говорят: делай другое. И говорят хором, говорят самые справедливые слова, и ты сам уже начинаешь думать: а ведь, наверно, они и в самом деле правы. Может случиться, что правы. Но если будет в тебе хоть капелька сомнения, если в самой-самой глубине души осталась крошка уверенности, что прав ты, а не они, делай по-своему. Не оправдывай себя чужими правильными словами».

Крапивин стал для меня надеждой, отрадой и смыслом, наполнявшим жизнь от очередной госпитализации до очередной выписки — или там от января до февраля, когда, ура-ура, придет второй номер «Пионера» с продолжением «Журавлёнка и молний». При этом лет пять, а то и семь, свердловский командор был просто единственным светом в окошке и главным авторитетом. К сожалению или счастью, не поведенческим (то есть в паруса и шпаги я так и не ударился, хоть выучил все паруса и выпилил из оргалита шверт человеческого роста, безнадежно загроздивший наш балкон на те самые пять-семь лет, а учителям хамил не по крапивинским выверенным лекалам, а в рамках собственных диковинных представлений, отшлифованных обстоятельствами места и времени). Но литературно-художественным — безусловно. «Колыбельную» и «Голубятню на жёлтой поляне» я перечитывал несколько раз в год. В журналах, конечно, — книг-то было не достать.

Матрос Курва Ф.Ф. свою фамилию полностью оправдал

Виктор Конецкий смолоду был одним из лучших, умных и честнейших писателей — это легко и беспощадно доказывают, например, «Завтрашние заботы», короткая ранняя повесть о моряке, который встретил любовь, глупо промахнул мимо и отчаянно рванул обратно. Он был и остался обидно недооцененным и не слишком известным — несмотря на всенародную славу фильмов «Полосатый рейс» и «Тридцать три», к которым Конецкий писал сценарии. Лично меня оба фильма оставили равнодушным, так что я тоже мог остаться без такого нужного и важного — лично для меня — любимого писателя. Но повезло.

Мне было лет одиннадцать, когда я, чтобы не уходить из очередного налета на букинистический отдел книжного магазина «Глобус» с пустыми руками, ухватил залистанный малоформатный сборник повестей и рассказов неизвестного мне автора. Просто повелся на морскую форму с фотки, кажется. Открывался сборник суровыми рассказами про блокаду, тыловой Ташкент и горящего по своей давней трусости военного летчика. Рассказы читались легко, но здорово царапали, так что я книгу почти отложил — и тут началось: сперва ультрамачистско-геройский рассказ «Если позовет товарищ», а потом «Невезучий Альфонс» и несколько рассказов про Петю Ниточкина. Это был мгновенный нокаут. Мастер умного глума, нигде более советскому школьнику не встречавшегося, умел хладнокровно доводить до смеховой истерики читателей поопытней меня — так что я лег и больше не встал. Так, лежа, и выслеживал Конецкого, где возможно. И выследил ведь немедленно — на родной полке, занятой «Библиотекой "Дружбы народов"», стоял зеленый том с двумя романами. Один из них, «Вчерашние заботы», я перечитывал раза три, а отдельные куски — раз десять. Потому что это ведь был один из самых ударных томов длиннющего романа-странствия, в

который складывалось большинство книг, написанных Конечким в последнюю четверть его века. Формально роман складывался из почти что документальных путевых заметок штатного помощника капитана теплохода, идущего то Северным морским путем, то меж тропическими островами: один рейс — одна книга, день за днем дневниковые записи с точными датами, именами и названиями, тоннами угля, рыбы и гниющей картошки, беседами на мостике и скандалами в диспетчерской, ушлой матросней и скандальными буфетчицами. И всякий раз документальная основа, само собой, была тщательно перемешана, перетасована и перепридумана, чтобы ладнее принять сбалансированный прозаический кунштюк тончайшей выделки, совсем не похожий на кунштюк предыдущий. Каждый роман Конечкий писал в новом формате, переходя от драмы стареющих мужиков к плутовской мениппее, от цепочки литературоведческих этюдов к отчаянной публицистике. И щедро накидывал поверху новеллы убойной силы, чудовищно смешные и трогательные до слез. Про трусоватого морского волка, явившегося в Институт красоты сводить древние татуировки. Про особенности лечения женского радикулита в диком мужском коллективе. Или про выпавшую из поезда табельную винтовку, которую юному курсанту Вите Конечкому придется найти на таежном перегоне в течение одной ночи — иначе трибунал.

Благодаря изощренности издателей многие повести и рассказы Конечкого представлены в моей библиотеке полудесятком экземпляров — это не считая выдирок из «Невы» и «Звезды», которые я изящно сшивал под единую обложку. И Аксенова я долго не любил в том числе и потому, что в затяжной и изящно расписанной обеими сторонами сваре с Конечким безоговорочно держал мазу за Виктора Викторовича.

И буду держать, сколько получится.

И чтобы никто не ушел обиженным

Лет в двенадцать я узнал, что последние лет десять любимый Крапивин каждый год публикует новую повесть либо в московском «Пионере», либо в свердловском «Уральском следопыте», о существовании которого я не подозревал. Попытка немедленно выписать журнал провалилась — оказалось, что не вся Кама считается Уралом, и в городе Брежневе условно местные издания других регионов выписывать нельзя. К концу 1985 года правила смягчились, и журнал я выписал. Чтобы разочароваться, вспылать и открыть новый гештальт.

Как раз Крапивин тот год был небогат, зато обнаружилось, что в «УС» большое место занимает раздел фантастики. Тогда я, понятно, не знал, что скромный периферийный журнал и лично руководитель его отдела фантастики Виталий Бугров в самый разгар свирепого утаптывания качественной отечественной фантастики не только спас ее, но и умудрился укрепить и создать несколько формообразующих элементов, на которых авторы и читатели продержались пару десятилетий. Журнал, по сути, взял под свою крышу десятки разбросанных по стране клубов любителей фантастики, которые в те годы уже положено было громить и разоблачать. Он печатал сильных авторов, он затеял первый в стране фестиваль фантастики «Аэлита» и он проводил грандиозные ежегодные викторины — несколько десятков вопросов, ради ответа на которые следует сперва найти, а потом прочесть сотни томов; приз — книжка с автографом. Естественно, я немедленно принял в викторине участие. Естественно, с нулевым результатом. Что не помешало мне вписываться в конкурс и на следующий год, и годом позже. Попутно я собирал старые номера «Следопыта», из которых любовно выдирал не только художественные тексты, но и прежние конкурсы с ответами. Удовольствие от их чтения было сопоставимым, если не большим.

Я так ничего и не выиграл, но вошел во вкус и нахватался имен. Наиболее часто употреблявшимся именем было «братья Стругацкие». Для составителей и участников викторины пара «фантасты — Стругацкие» была такой же неразрывной парой,

как «партия — Ленин» или «поэт — Пушкин». А я не то что ни строчки из них не читал — даже книжки ни единой не видел. Ай-яй, подумал я. Непорядок. Сейчас исправим.

Книги Стругацких я искал года три. Их не было нигде — ни дома, ни у знакомых, ни в библиотеках. Город, в котором я вырос, строился во второй половине 70 — начале 80-х, в этот же период, понятно, формировались библиотечные фонды. И именно в это время Стругацких практически не издавали.

В пятнадцать одноклассник вдруг привез от бабушки и подарил мне знаменитый «перевертыш»: с одной стороны повесть «Стажёры», с другой — «Второе нашествие марсиан». Подарил не от избытка щедрости, просто книга была совсем убитой, а ему не слишком понравилась. Меня, честно говоря, «Второе нашествие» тоже не торкнуло — молодой был, глупый — а вот «Стажёры» зашли как надо. Потом запрет на авторов вдруг растворился, и «Детлит» издал в «рамочке» «Библиотеки приключений и научной фантастики» сборник «Стажёры» с четырьмя повестями. Зеленый томик появился и у меня — и вот это оказалось попадание в сердце и любовь навсегда.

Стругацкие впрямь оказались необходимой парой, и не только к фантастике, но и к читательским представлениям об умном развлечении, прекрасном слого, многослойном сюжете и приключении духа как достойном продолжении приключений тела.

Эти три писателя и четыре человека сделали меня как читателя и, очевидно, как писателя тоже. Но как ни странно, самую любимую мною книгу написали не они.

Написал ее Владимир Богомолов.

Бабулька приехала

«Момент истины» я прочитал лет в тринадцать. Прочитал с некоторым недоумением, как и положено подростку, воткнувшемуся не просто во взрослый, а в абсолютно непривычный, тяжелый и не слишком дружелюбный текст. Слишком много героев и малохудожественных вставок, в том числе скучных документов с дотошным перечислением фронтов, единиц техники и трех граммов изюма, которые следует выдавать в пайке личного состава вместо пяти граммов сахара, слишком тягучая интрига, слишком много рассуждений, топтаний на месте, выпуклых противокозелков и неразжеванных объяснениями кусков какой-то чужой подлинности.

А потом — р-раз, и взрыв лютой, невероятной крутизны: стрельба по-македонски, экстренное потрошение, «Бабулька приехала!». Недельная пайка эндорфина за раз. Я выхватил ее раз и другой, перечитывая только последнюю часть — и постепенно от обиды — «С какой стати такое счастье стартует лишь на трехсотой странице?» — вырос до серьезного поиска ответа на тот же вопрос. А пока искал, обнаружил, что и скучное вроде бы начало отличается невероятным сюжетным и повествовательным драйвом. Что вполне массовожанровую историю об охоте на шпионско-диверсионную группировку, способную сорвать неожиданное наступление Красной Армии, можно рассказать так, чтобы она безоговорочно относилась к «большой» литературе. Что Богомолов первым и чуть ли не единственным показал, как один человек или маленькая группа может успешно противостоять действиям «сильнейшего государства», в то время как свое сильнейшее государство то и дело пытается все испортить. И что ответ на мучивший меня вопрос прост и замысловат: без завязки и развития нет кульминации, не погресишь — не покаешься, третья шоколадная конфета подряд вкуса уже не имеет и так далее.

Для читающего подростка такие открытия, тем более сделанные самостоятельно, были заметным достижением. Отчасти с этим, наверное, связана любовь к книге, которая помогла с открытием. Но в основном все-таки любовь объясняется тем, что «Момент истины» грандиозен без дураков.

Пойду перечитаю.

Илья Кочергин, прозаик (г.Москва)

Главные и любимые

Трудно четко выделить главную книгу детства, поскольку детство — это большая эпоха, это целая античность или, может быть, средневековье, границы его как-то размыты. Ради удобства детство иногда приходится дробить на раннее, зрелое и на позднее — когда ты уже думаешь, что стал совсем взрослым, а окружающие вздыхают и качают головой, глядя на тебя. Иногда даже возникают сомнения, что детство закончилось, поскольку все никак не приходит ностальгия по нему. Но все же думаю, что оно завершилось, раз книги уже не действуют на меня с такой необыкновенной силой, как это было когда-то.

В шесть лет со мной что-то сделал Генри Уодсворт Лонгфелло, которого смог еще и улучшить в переводе Иван Бунин. Моя бабка водила меня каждый день в лес рядом с нашим домом в Тёплом Стане, показывала дупла, в которых прятались лесовики, строила для меня запруды на ручьях и устанавливала на них крутящиеся мельницы из сухих травяных стеблей, собирала иногда какие-то растения, а вечерами мы по очереди читали друг другу «Песнь о Гайавате». Мы даже в лес часто ходили с книжками в авоське и читали, сидя на корнях огромного дуба, помнящего еще князей Трубецких, по поместью которых мы совершали наши прогулки.

Бабка поздно начала читать и в то время, выйдя на пенсию, активно наверстывала упущенное. Даже сейчас, когда ей исполнилось 97 лет, когда она уже имеет праправнуков и когда глаза совсем ослабли, ее часто можно видеть стоящую перед подоконником с открытой на нем книгой. Она полюбила читать стоя.

Так вот Лонгфелло что-то сделал со мной, «Песнь о Гайавате» стала одной из главных книг на всю жизнь. В двадцать лет я отправился расширять свою географию и вскоре нашел место, которое полюбил на всю жизнь, в котором обрел прекрасных друзей, прожил чудесное время и которое навеваю до сих пор.

«Средь долины Тавазэнта,
В тишине лугов зелёных,
У излучистых порогов,
Жил когда-то Навадага.
Вкруг индейского селенья
Расстилались нивы, доли,
А вдали стояли сосны,
Бор стоял, зелёный — летом,
Белый — в зимние морозы,
Полный вздохов, полный песен».

Если, бормоча эти строки, ездить по нашей большой стране в поисках лучшего места на свете, то рано или поздно наткнешься на деревню под названием Язула, где стихи четко совпадут с пейзажем. И тебе придется лишь поменять *долину Тавазэнта* на *долину Чульшмана*, а *индейское селенье* на *алтайское селенье*. И даже свой сказочник Навадага живет в этом селенье, только его немного по-другому зовут.

Ясно помню еще одну книжку из дошкольного возраста — о приключениях Алдара Косе, находчивого и веселого героя казахских народных сказок. Рыжая такая обложка. Почему так, почему именно казахские сказки? Да просто случайная книжка. Никогда не поймешь, что понравится ребенку, а что пройдет мимо его сознания. Моей очередной детской мечтой стало проехать верхом по желтой выгоревшей траве, а потом войти в юрту и отведать жирные, румяные боурсаки. Мечта исполнилась

именно так, как я и хотел. Я работал тогда в Алтайском заповеднике. Мы весной во время патрулирования перевалили через заваленный снегом перевал в соседствующую с заповедной территорией долину, где пасли скот несколько казахских семей.

Я слез с коня, привязал его к коновязи рядом с кошмяной юртой, вошел и занял место для гостей. Хозяйка налила чай и выставила тазик, скорее даже таз, именно с такими боурсаками, о которых я грезил — жирными и румяными. На всякий случай, чтобы я не разочаровался в детской мечте, она поставила рядом чашку с топленым маслом, которым можно было дополнительно умащивать эти жареные в жиру шарики из теста. Мы в том походе жили впроголодь, перебиваясь случайными утками и куропатками, обещанные продукты нам не подвезли, и детская мечта воплощалась в жизнь необычайно сладко.

Тазик опустел за пять минут. Мы перекололи хозяйке все дрова, наносили воды, промучались два часа, вытаскивая из ледяной воды ручья свалившуюся туда корову, покрытую паршой. Нам сказали спасибо и напоили чаем еще раз, но тазик так и остался пуст. Тогда мы попрощались с хозяйкой и, уезжая, предложили сфотографироваться на память всем вместе и по отдельности. Хозяйка повязала новый платок, сменила рабочую куртку на чистую.

— Проходите, чай пейте, — сказала она после фотосессии, и в открытой двери юрты замаячил заветный тазик, снова наполненный с горкой румяными, жирными боурсаками.

В раннешкольный период детства из долгого плена романов Дюма и Жюль Верна меня неожиданно вырвала абсолютно никому не известная книжка зеленого цвета со скачущими русаками на обложке.

Иван Арамилев. На охотничьей тропе. Детгиз, 1952, Москва-Ленинград.

Прелесть ее, кажется, заключалась в том, что автор писал для детей, обращаясь к ним вполне по-взрослому. В первой же главе описывалась жуткая сцена притравки лаек по медведю, закончившаяся смертью зверя и отстрелом негодных собак, после которой мальчик обещает себе никогда не становиться охотником, но недолго противостоит соблазну охоты. По-взрослому с большой тщательностью были выполнены и иллюстрации.

Пожалуй, эта книга в моей жизни заняла первое место по количеству перечитываний. Вкупе с Фенимором Купером и подшивкой журнала «Охота и охотничье хозяйство» она сделала так, что к двадцати пяти годам я прочно обосновался на таежном кордоне, оброс хозяйством, доил свою корову, выпаивал телят, проводил массу времени в лесу с ружьем и не думал о перемене судьбы.

Но видно последней главной книжкой затянувшегося детства явился сборничек французской поэзии в современных переводах. Там, в заповеднике, вообще попадалось много разной неожиданной литературы. В маленьком зимовье в урочище Сайгоныш мне и встретился тот сборник с Бодлером и Малларме, кажется, там был еще Жак Превер и еще кто-то.

При достаточно сильном информационном голоде и мясной диете французские поэты всего за одно прочтение оказывают на неокрепшее сознание сильное действие — начинает навязчиво снится город, переполненный прекрасными женщинами. Книжки нужно выбирать с осторожностью — ведь жил бы и жил себе до сих пор в тиши звенящих кедров, любовался бы закатами.

Помимо главных книг я в разные периоды детства подвергался сильному воздействию многих важных и любимых книжек. Мною была полностью истрепана и замусолена «Любовь Адама и Евы» — комикс Жана Эффеля; «Шерлок Холмс» Конан Дойла, даривший цепенящее чувство уюта квартирки на Бейкер-стрит; Василий Ян, подтолкнувший меня расширять свою географию именно на восток; Владимир Соловьёв со своим солнечным Ходжой Насреддином; легенды о рыцарях Круглого

стола (не помню автора, помню только зелёный цвет обложки) — непрерывно куда-то едущих без четко сформулированной цели, совершающих подвиги по наитию.

Должен, конечно, упомянуть Волкова с его Изумрудным городом и деревянными солдатами, Стивенсона, умевшего влюбить читателя в ужасного убийцу — Джона Сильвера, Вальтера Скотта, после которого я усвоил, что самые красивые волосы бывают у женщин, моющих голову в ледяной воде горных ручьев и сушащих ее на ветру с вересковых пустошей, Олега Куваева, «Территории» которого я однажды пытался отомстить, справедливо подозревая вину этой книжки в моей не слишком размеренно и гладко идущей жизни. Рубанул книжку топором, такой она и стоит в моем шкафу — подраненной, такой ее прочел мой сын.

Среди причуд детского восприятия — любимая многотомная «История француженок» на непонятном мне французском языке, забавно иллюстрированный «Русско-монгольский словарь фразеологизмов и устойчивых выражений» (даже сейчас помню его название — «Орос хэвшэмэл хэллэгийн зурагт ном», хотя возможно, ошибаюсь буквой-другой), Словарь иностранных слов и конечно Большая Советская энциклопедия (синяя). С этими книгами я провёл много хороших дней.

Наверно многое забыл упомянуть, но они там, внутри, крепко сидят, главные и любимые.

Анастасия Орлова, поэт (г.Ярославль)

Я расту

Как же печально, что все мои детские книги были утрачены при многочисленных переездах!

Я хочу рассказать об одной из своих самых любимых книжек, потому что в ней одной заключено многое. Это сборник «Я расту»:

А я не знаю, что я расту
Всё время, каждый час...

Белая крупная книга с рельефными буквами «а» и «б», которые так приятно изгибались под пальцами, а в правом нижнем углу сосредоточенный маленький мальчик в красной рубашке. Я на ней застревала. Читала и перечитывала, читала и перечитывала, читала и перечитывала. А было чем увлечься: самые отборные стихи Барто, Чуковского, Берестова, Маршака, Хармса, Мошковой, Михалкова, Сефа, Сапгира, Игоря Мазнина... Сборник был искусно составлен, замечательно проиллюстрирован командой художников. Но магия была не только в подборе стихотворений, не только в замечательных картинках, а еще и в том, как вели себя в книжке буквы: они увеличивались, уменьшались, подпрыгивали, плясали, кувыркались, следовали за стихотворением. Это завораживало невероятно!

Я никак не могла найти эту книгу в интернете, потому что стихотворение «Я расту» крайне известное, а кроме названия я про нее ничего не знала. Но как всегда, Фейсбук творит чудеса: по описанию обложки один из друзей — о чудо! — ее опознал. Он прислал мне фото обложки и некоторых разворотов. Ура! Как будто встреча со старым другом!

В сборнике были и такие стихи:

Всегда мы помним Ленина
И думаем о нём.
Мы день его рождения
Считаем лучшим днём!

Но в памяти, к счастью, сохранилось совсем другое.

Теперь я знаю, что книжка выходила в 1976 и 1978 годах в издательстве «Русский язык». Сотавил книжку поэт Игорь Мазнин, а предназначалась она, оказывается, для детей, изучавших русский язык как иностранный. К ней прилагалось еще пять виниловых пластинок. Но пока книгу я не нашла. Пока. Мечтаю о ней.

Валерия Пустовая, литературный критик (г.Москва)

Паттерны Шекспира

Легко понять простого читателя, когда вспомнишь себя в детстве. Если одним словом назвать свое детское воспоминание о литературе, то это литература не размеченная. Этим летом я послушала вебинар критика и главного редактора сайта *Raga avis* Алёны Бондаревой о том, как подобрать героя для читателя трех-семи лет. Критик рекомендовала книги, расставляя метки — для романтиков, для девочек-разбойниц, для решения первых трудностей. Это отлично ориентирует родителя и читателя трех-семи лет вполне удовлетворит, но что происходит с выбором героя для детей постарше? В моем детстве от предков был книжный шкаф и спонтанные находки на книжном развале в Олимпийском, а критика детской литературы существовала только в фольклорной форме, из уст в уста, и, к примеру, любимые мной доньне «Хроники Нарнии» маме рекомендовал коллега, сам отец. Помню много неразмеченного, случайного — абсолютно свободного чтения. Знала ли я себя настолько хорошо, чтобы найти себе книгу по характеру? Знала ли литературу настолько, чтобы опознать на полке маст хэвы своего детства?

Осознанное культурное потребление пришло потом — вместе с навыком культурного предъявления. Умение ориентироваться в литературе — конец читательской искренности, как будто разучился читать для себя и принялся восполнять пробелы, догонять фейсбучные разговоры, показывать обложки, советовать друзьям, замерять читательские забеги: «а вы еще не?» и «а я уже». Вдруг ловишь себя на том, что манят не книги, а метки, и главная из них — имя автора, на которое в детстве обращала внимание в последнюю очередь. Помню, как проглотила будто подростковый роман о мальчишке-ученом и мальчишке-бродяге, «Нарцисса и Гольдмунда», опубликованный в нескольких номерах «Литературной учебы» с картинками, — и только в университете узнала, что нечаянно полюбила прозу великого Германа Гессе.

Так пришла ко мне и главная, пожалуй, книга детства, обложка которой не могла привлечь ни яркостью (серый однотон), ни названием (слово «Комедии» заметней в начале словарной статьи, чем в начале книги), ни именем автора (условный и миниатюрный портрет на обложке представлял схематичного долговолосика с бородкой — и вероятно, мог напоминать мне сказочного короля или мушкетера на пенсии, но мало что говорил о незнакомом буквосочетании «У.Шекспир»).

То есть собрания трагедий в доме не было, и триллер для тингов «Ромео и Джульетту» я прочту уже за двадцать, а перепашет меня печальной повестью и вовсе за тридцать, когда, случайно посмотрев бережную к тексту экранизацию, я почувствую

решимость на бунт против куцевого языка любви, на котором, как мне показалось тогда, пытался объясниться со мной мой будущий муж.

А комедии были, и возрожденческая их всечеловечность — холодноватая, будто из инобытия, свобода изъяснения, не затаргетированная ни на возраст читателя, ни на его эпоху или пол, — отлично встроилась в контекст моего детского чтения.

У Шекспира шутили отстраненно и умно, как в «Винни-Пухе» Милна в изложении Заходера, девочки пускались в волшебные приключения, переодевшись мальчиками, как в «Королевстве кривых зеркал» Губарева, и царил дух светской церемонности и одновременно дружеской пирушки — оксюморонное сочетание, привлекавшие меня и в «Трёх мушкетерах» Дюма.

Низовая, трактирная, строптивая сексуальность — до сих пор помню реплику одного бойкого шекспировского кавалера: «вас, женщин, тяжесть тоже не страшит», — укрощалась изяществом остроты. У Шекспира ревновали, сплетничали, подглядывали, вождели, высчитывали выгоду, нажирались и подличали — но все это свальное человечье греховодие искало себе изящную, точную, умную форму, и не высказанным, будто не высеченным в камне-печатке, не могло существовать.

И высекалось, да, в воображении так, что многое до сих пор помню, хотя с юности не перечитывала. Западали в мою детскую голову паттерны Шекспира.

Прежде всего — очень по нутру пришедшее мне представление, что история самой нежной и счастливой любви укладывается в череду острот. Мужчина словами бряцает — женщина поводит томно, и чем изощреннее и щедрее потратят они слова на то, чтобы сбить с партнера гендерную спесь, тем горячее, значит, их роман. В комедиях — в отличие от трагедий — болтают будто нарочно мимо, рассыпая бисер, чтобы умолчать о сокровище, сотрясая воздух впустую, чтобы не проговориться о главном. «Много шума из ничего» — моя любимая в детстве комедия, где груз легкого и остроумного разговора несли на себе два второстепенных персонажа, пока главные страдали, тупили, притворялись мертвыми и оплакивали мнимую потерю, — в общем, любили, как Ромео Джульетту, но куда скучнее, — эта комедия сейчас кажется трепом, заваливающим мелким щебнем ход к страху. Вся она о том, как жуткое и непоправимое не случилось — но всем досталось в него поиграть. Ровно на ту долю включенности, чтобы неистовые одиночки Бенедикт и Беатриче смогли присолить свою пустую болтовню парой участливых слов и на том сойтись наконец в брачном союзе.

Нужно ли говорить, как мало после такого образца, усвоенного в детстве, я, повзрослев, могла доверять любви без слов. И как неистово меня несло отозваться на зов трепача.

Кроме того, запало в ум, что большое и светлое чувство приходит вопреки желанию, установкам и первоначальной склонности. Это сегодня мне видно, что Бенедикт и Беатриче доводили друг друга остротами до почти полового изнеможения, а тогда я верила их словам, что они и знаться не хотят, как козел с волчицей. Запомнилось задолго до знакомства с Джейн Остин, которая возвела этот паттерн в золотое правило романтической страсти, — что любовь торжествует через слом предубеждения. И стало быть, можно легко поверить в блестящую перспективу отношений с парнем, который отчетливо не привлекает.

Беатриче запала в душу шуточной жалобой, которой я прониклась, как исповедью: а мне, говорила, бедной чернушке, останется только сидеть и молить — дайте мне мужа.

За тридцать я прочту книгу о женщинах, которые чувствуют себя бедными чернушками в ожидании неведомого мужа, — «Женщины, которые любят слишком сильно» (Робин Норвуд), — и пойму, что это была самая несмешная реплика в любимой пьесе.

Чернушкой представлялась и ни разу не остроумная Катарина из «Укрощения строптивой» — которая жизнь и близких изводила на то, чтобы вывести на чистую воду

свою сестру Бьянку, общую любимицу. Тяжкой яростью Катарини двигало, как я чувствовала уже тогда и в чем сознательно убедилась теперь, то же самое, что провоцировало Беатриче на задорные любезничанья. Внутреннее убеждение, что мужа ей не дадут — что любви она не достойна, черная, строптивая, странная, не умеющая притворяться в отношениях иной, чем есть.

Я чувствовала родство с шекспировскими чернушками и ждала своего Петруччо, как невероятного избавителя от одиночества, который смело перенесет любые мои недостатки.

Вот кто в комедиях мужик, да, Петруччо — вполне попадающий в паттерн того самого настоящего мужика, который в чувствах неуязвим. Он смел, великодушен, жизнелюбив, умен и силен, и его нельзя поранить любовью. Сложность любовной многоходовки, в которой Петруччо прикидывается бревном, чтобы протаранить путь к женской ласке, — и тем самым доказать, что нуждается в нежности не меньше, чем поспорившие с ним о покорности жен сотрапезники, — открылось мне позже, в черно-белой советской экранизации пьесы. Как и тот факт, что в браке с таким вот, настоящим мужиком придется смириться с тем, что Катарину он берет одной — а любит и лелеет другой, измененной, будто переменяв жену, как лошадь, на брачной переправе.

Тем кто чувствует себя чернушками, нравится, когда мужчины их переменяют. Выбирают черненькими — и делают беленькими.

В Катарине манила ломовая прямота чувств — и пугала. Она будто всходила на костер ярости, принося в жертву свою красоту, лишь бы не пойти на поводу у желания нравиться — как «кокетка эта Бьянка».

Я верила, что сильная Катарина найдет покой, когда встретится с превосходящей силой Петруччо. И искала эту превосходящую силу сама.

Как много прошло лет, тренингов, сердечных драм, обид, стыда и страха, прежде чем я научилась уважать в человеке его нежность, а в отношениях — язык молчания и покоя.

Нежность, молчание, покой — язык принятия, на нем комедия не говорит. Комедия ломается, противится, улещает и заушает, задирает и дергает. Комедия — язык бунта.

В том числе — против своей природы. Как разметить героев для юного читателя, если первое же сомнение: какого пола будет герой? — разрешить затруднительно. Книжки для девочек-разбойниц читают, оказывается, и мальчики: муж признался мне, что в детстве любимой книжкой у него была «Рони, дочь разбойника» Линдгрэн, которую я, узнав такое, впервые прочла в свои тридцать пять. Ну а многие девочки в детстве примеривают на себя приключения героев-мальчишек. Есть разница: влюбиться в Питера Пэна или так увлечься образом, чтобы видеть себя на его месте.

У Шекспира и выбора нет: в детстве я, нацепив, как камзол, мамину черную импортную блузку — изначально блузка была розовой, но однажды мама застала меня в ней с огромным масляным пятном на груди, «будто блин обняла», — сетовала она и отдала блузку на переокрас, — так вот, в маминой блузке до колен я часто играла в принца Гамлета потому, вероятно, что роль Офелии мне представлялась слишком жалкой. В комедиях переодевание героини так эффектно выталкивало ее в главные и решительно действующие лица, что не переодетые женщины, красавицы и властительницы, казались пешками в чужой увлекательной игре. В «Двенадцатой ночи» очевидно, что Оливия пленительней и могущественней переодевой Виолы, но и сама своей красотой и саном пленена: знает сидит в замке, к любимому подсылает слуг и томится от гордости и внезапной страсти. Тихая Селия в «Как вам это понравится», даром что родная дочь захватившего власть герцога, беспомощна и бледна рядом с Розалиндой, заставившей любимого ухаживать за собой в мужском обличье.

Но самое далекое и глубоко повлиявшее на меня смещение идентификации даже

не в том, что главные герои комедий не верны себе, как околдованные любовники из «Сна в летнюю ночь». А в том, что больше, чем любым из главных героев комедий, мне хотелось быть единственно постоянной у Шекспира величиной: шутом, который верен себе и смотрит на метания героев бесстрастно и с легкой песенкой на устах, будто сам драматург.

Помню едва не потасовку с одной из главных — модных, богатых, продвинутых — девочек класса. Девчоночьи разборки расписаны на языке комедий — это мальчики рискуют, как Меркуцио и Тибальд. Напрочь забыла причину конфликта — а логически ее, как водится, и тогда нельзя было установить. Но помню, что была в моих отношениях с группой модных и продвинутых девочек какая-то ревность — не исключено, что мы выясняли, кто из нас больше соответствует паттерну девочки, человека и главной героини. У меня, которая находила повод для бенефиса в роли меланхолического шекспировского шута, видимо, не получалось корректно встрять в соревнование за звание девочки правильной и главной. Апогей этого самоощущения пришелся на студенческие годы, когда я узнала, что свою отклоненность от статичного главного образа можно культивировать. С одним кавалером юности я разругалась вдрызг, когда он посмел назвать меня «обычной девушкой».

Прошло много лет, тренингов и далее по списку, прежде чем я приняла себя как вполне женщину и главную героиню своей жизни. Когда на рок-фестивале, решившем судьбу нашей любви, я спросила у тогда ещё совсем скупно изъяснявшего свои чувства будущего мужа, каюсь ли я ему странной, — и получила удивленный ответ: нет, — то успокоилась и поверила, что он меня глубоко понимает.

Отвечая на вопрос о книгах детства, я, в том числе называя «Комедии» Шекспира, обычно говорю, что они научили меня смеяться. И только теперь поняла, как многому важному, помимо того. И хотя с паттернами Шекспира, перерастая детство, пришлось расстаться, я до сих пор люблю и помню его комедии, будто лучшие сказки. Сказки о том, что всерьез раздумывать о жизни способен только тихий шут, — а остальным приходится много бегать, болтать и бузить, чтобы переждать свои дни легко и незаметно, как за чтением шекспировской комедии.

Алексей Сальников, прозаик, поэт (г.Екатеринбург)

Всё собрать

Вообще, удивительно, сколько всякого непредсказуемого читалось в детстве, выкапывалось в школьной и поселковой библиотеках, будто само собой покупалось в двух книжных магазинах (опять же поселковом и в деревне неподалеку). Сначала вспоминается такая почти тетрадка, где были упражнения утренней гимнастики, которой так горячо и внезапно пожелал завладеть, что тут же, что называется, нааскал нужные десять копеек у прохожих (причем никто сразу не дал нужную сумму, пришлось спросить у нескольких). Поселок у нас невелик, этим же вечером весть, что сын просит милостыню, долетела до матери, а ее тумачи долетели до меня. Это было еще до школы.

Затем, лет в восемь-девять-десять, учебники по географии старших родственников, «Книга юнармейца» и «Кондуит и Швамбрания», подтолкнувшие к рисованию карт выдуманных государств с отметками высот, болот, колодцев и полезных ископаемых.

Тогда же была взята в библиотеке книга «Поиски жизни во Вселенной», и, насколько помню, мы ее потом с другом брали по очереди, потому что было очень нужно, чтобы она была у нас на руках. Не обошлось и без специально состаренной карты клада, которую как бы нашел, несколько одноклассников как бы поверили, что это настоящая карта (а может, и поверили), и ковыряния земли в лесу.

Купил случайно «Баловень Каиссы», потому что нужно было что-то делать с набором дорожных шахмат, почти сознательно был приобретен «Военно-морской словарь для юношества» (потому что Крапивин), но из него была сделана игра с хитрой системой бросаемых кубиков из пластилина, способных указать на любую статью в словаре и привязки слова из статьи к удлиняющемуся рассказу о морских приключениях. Из того же времени «Следопыты в стране анималькулей» и «Атлас-определитель беспозвоночных». Ох, последний особенно скрашивал летние каникулы, когда друзья пропадали по бабушкам и пионерским лагерям.

Много было всего. «Герой Саламина» Воронковой с иллюстрациями Ильинского, а с ним и учебник по истории древнего мира, который подарила двоюродная сестра. Всякие художественные книжки, иногда очень удивительные: о сыне беглых революционеров в еврейском местечке (сейчас попытался найти эту книгу в интернете, и лучше бы не искал, но помню, что у главного героя был непутевый друг, и был там силач по кличке Доля), еще одна перечитываемая многократно книжка про, опять же, сына беглых революционеров в Одессе, при этом не «Белеет парус одинокий». Год за годом как бы штурмовал рассказ «Лев и собачка», пытаюсь, чтобы не было слез в конце, возмущаясь слову «издох».

И вот однажды, в средней школе уже, в самом ее начале, наткнулся в магазине на невзрачную толстенькую книжку в бумажном переплете, коричневую, кажется. Между страницами с краткой аннотацией, именем редактора и непосредственно началом самой книги было небольшое стихотворение, начинавшееся: «Три кольца владыкам эльфов под высоким небом», а кончавшееся так, что я сразу дошел до кассы и расплатился. Это был просто гипноз.

В начале книги имелась предыстория, поднявшая что-то из глубин памяти, чувство, что этакое где-то уже читал, и да, читал, оказалось, «Хоббита», но особого впечатления он в свое время не произвел: ну, сказка и сказка, видали и получше. Тот же «Продавец приключений» Садовникова был буквально затерт до дыр. «Мио, мой Мио», опять же, и прочитан и просмотрен в кино (а помощник Мио почему-то так запомнился, что спустя много лет был узан в кино с приятным чувством встречи со старым знакомым), да те же истории про Эмиля были гораздо интереснее. А тут, от волнения, что кроме первой книги ничего нет, был раскопан в библиотеке и «Хоббит».

Лев над трупом дохлой собачки был потеснен с пьедестала самых трогательных моментов и был заменен на двукратно играющий нервами эпизод, в котором, во-первых, Гэндальф падал в бездну со словами: «Бегите, дурни!», во-вторых, сборная хранителей кольца выбегала, наконец, из Мории, а глава заканчивалась так: «Бой барабанов затих».

Было, конечно, предчувствие, что такие герои просто так не окоचуриваются, тем более, волшебники, но неизвестность угнетала. Благо недолго, потому что в поселке появилось местное кабельное телевидение, там стали крутить все подряд: от «Крепкого орешка» до хентая (и японщина, в некотором смысле, произвела впечатление не меньше, чем история про кольцо), показали в итоге и мультфильм Ральфа Бакши, который развеял некоторую неопределенность, от Гэндальфа серого не осталась и следа, конечно, а белый производил впечатление укуренного хиппи и породил неловкое ощущение, которое можно было описать словами: «Лучше б ты не воскресал!». Но вторую книгу, все же хотелось.

На работе у мамы появился человек, который помимо своих рабочих обязанностей на свиноферме еще и торговал книгами и доставал всякие книжные новинки. Так, по

найтию, мама купила мне «Звездных королей» Гамильтона и еще что-то такое. Не особо надеясь на успех, попросил ее осведомиться у книготорговца насчет «Властелина колец», и, хоп, довольно быстро синяя книжка с названием «Две твердыни» у меня появилась, в конце нее Фродо попадал в плен. Третью книгу обещали достать, а пока ее не было, вторую успели прочитать все, что называется, причастные.

Времени между второй и третьей книгой прошло довольно много. Власть уже, кажется, успела смениться окончательно, несколько городов были переименованы, а в Свердловской области появились многочисленные культы самого различного рода. Кастанеда читался тогда, как Фенимор Купер, факт того, что на Урале не растут галлюциногенные кактусы, и невозможность повторить то, что описывалось в книге, заставляли нас с друзьями грустить. Почти у каждого на книжной полке оказались «Дианетика» и «Бхагавад-гита». Да что говорить? Кришнаиты давали концерт у нас в школе, и я с трудом сдержался, чтобы не сбежать с ними, потому что девушка-гитаристка-солистка была у них прямо милаха, невозможно прекрасная. У мамы друга имелась книга «Тайная магия» тиражом пятьсот тысяч экземпляров. Почти каждый ребенок в поселке заказал по почте и получил бесплатный экземпляр «Евангелия для детей» с цветными иллюстрациями. Какие-то сумасшедшие шарахались по Уралу, разнося в каждый дом самодельные брошюры о ГУЛАГе и жестоких пытках НКВД. Плюс, как на грех, именно в Екатеринбурге убили царя. На втором канале, где были местные новости, развивалась эпопея с поисками останков царской семьи, диспутами — они это или не они, призывами покаяться и крестными ходами. Радио не отставало и тоже подавало жару.

К чему я веду. Просто однажды, увидев на столе книгу «Возвращение государя», я решил, что это опять приволокли что-нибудь сектантское, тем более, неподалеку была новость, что Мария Романова не против занять российский престол, если такова будет воля народа. Подумал, что книга как раз об этом: о плюсах возвращения монархии в Российскую Федерацию. То, что о плюсах — был уверен на сто процентов. Как раз такой момент времени выпал, когда у монархии были только плюсы. Слушая Талькова: «Листая старую тетрадь расстрелянного генерала», люди всегда нахмуривались, этак слегка кивали, дескать, да-да, все так.

Что со мной было, когда зацепился, наконец, взглядом за имя автора на обложке, — не описать. А что было с нами всеми, когда почти сразу же после того, как была прочитана третья книга, «Северо-Запад» выкатил двухтомник Ника Перумова с продолжением всего этого дела!

Сейчас все привыкли, выдрессированы книгоиздателями и сценаристами, «Светлячком», «Каслом», «Ходячими мертвецами», Мартином и Роулинг, но тогда это чувство постепенного овладения, часть за частью, законченным произведением — было внове.

Тамерлан Тадтаев, прозаик (г.Цхинвал)

«Ему нельзя пить, курить, есть свинину и читать Гоголя...»

Мое увлечение литературой началось со школы, с произведений Лермонтова. Его «Герой нашего времени» потряс меня, и я стал подражать Печорину, благо некоторое сходство с ним, как мне казалось, у меня было. Вот только усы не росли, хоть и брил я над верхней губой чуть ли не дважды в день. Ладно, рано или поздно все равно

отрастут, а пока, накинув на себя личину скучающего аристократа, я зевал в лицо своим одноклассникам или нарочно засыпал на уроках на глазах учителей, этих жалких плебеев. Княжну Мери я совсем не понимал: вместо того чтобы влюбиться в меня и страдать, она строила глазки Грушницкому, и однажды на перемене я вздул его прямо перед этой дурой, но любви ее так и не добился. Зато с Белой у нас все было как нельзя лучше. Не раз мы удирали с уроков в кино, и там, в полупустом зале, в перерывах между поцелуями я нашептывал ей отрывки из «Демона»: *недолго продолжался бой, бежали робкие грузины... Чмок. Хочешь ещё? Давай. Скакун лихой, ты господина из боя вынес, как стрела, но злая пуля осетина его во мраке догнала.* Умница, шептала Бела, только тебе надо избавиться от этого жуткого акцента.

Иногда я заходил к тетке, попить чайку с бубликами, и незаметно клал в ее чашку таблетку слабительного. Ничего не трогай, говорила она, выбегая из комнаты. Конечно, тетя, бормотал я, вынимая из ее кошелька рубль, реже трешку. Однажды тетка выбежала в туалет вместе с кошельком, и так как я не привык уходить от нее с пустыми руками, прихватил томик Гоголя в зеленой обложке. Сдув с него пыль, я прочитал «Портрет», «Страшную месть», «Вия» и заболел. По ночам я боялся спать, потому что во сне ко мне являлся горбатый колдун и начинал душить. Потом он повадился прилетать в гробу с панночкой, и они вдвоем начинали кусаться, да так больно, что я кричал и будил всех в доме. Мать, видя в каком состоянии я нахожусь, забеспокоилась и в один прекрасный день отвезла меня в Тбилиси к какому-то профессору, который сначала отбил мне колени молотком, а после выписал какие-то микстуры. «Ему нельзя пить, курить, есть свинину и читать Гоголя», — наказал он матери на прощание...

Айгерим Тажи, поэт (г.Алма-Ата)

«И снова наступит весна...»

В детстве мы постоянно собирались с сестрами и подружками у нас дома и читали книги. Книги брали в серванте, наполненном литературой до предела, или в отличной детской библиотеке неподалеку. Эта библиотека была удивительной, в ней всегда находилось то, что нужно. Любимое здание, откуда мы приносили сразу по шесть книг на человека — целую книжную башню, пряталось в маленьком районе под названием Гормолзавод на окраине Актюбинска. Настоящая сокровищница тех лет.

Мы обычно сидели вместе в одной комнате, но каждый читал свою книгу. Мама в шутку называла наше маленькое книжное сообщество «избой-читальней». Мы не только не мешали друг другу своим присутствием, наоборот — часто один из нас мог громко расхохотаться над смешной историей. Окружающие тогда отрывались от чтения и просили рассказать, что же такое интересное встретилось на страницах. Слушая, обычно все давились от хохота, хотя по отрывку, наверно, ничего и не было особо понятно. Но тогда мы что-то понимали. Когда же кто-нибудь тихо плакал над очередной жалобной книгой, другие делали вид, что ничего не замечают.

Что же делают книги с ребенком? Не знаю точно. Трудно выразить. Но отчего-то с теми детьми, которые тоже грустили над «Белым Бимом Чёрное Ухо», сочувствовали страданиям Эндера, мечтали встретить Субастика или отправиться тайно в путь, как Бильбо Бэггинс, с теми, кто был и остается в сердце такими детьми, всегда чувствуется родство.

Даже в возрасте «за 30» можно вместе смеяться, просто вспомнив фразу из, допустим, повести «Моя семья и другие звери» Джеральда Даррелла. Она срабатывает как пароль для узнавания. Достаточно пары слов, чтобы каждый восстановил в памяти отрывок из книги. Вспомнишь вдруг «Пончики, пончики целые вагончики!» из «Приключений Гомера Прайса», и уже кто-то заканчивает: «Чики-пон, чики-пон, нет для пончиков препон!» Как же легко общаться, когда есть такие общие культурные коды между людьми.

Иногда задаюсь вопросом, почему разным людям литературные персонажи могут воображаться одинаково. Бывает, смотришь фильм и внутренне возмущаешься (а в детстве и до слез доходило), что какие-то герои выглядят не так, как представлялось. И все, киноистория не удалась. Я помню фильм про Пеппи Длинныйчулок, который мы долго ждали. И каково было наше разочарование, когда мы увидели не любимую героиню, а девочку-незнакомку. До сих пор предпочитаю сначала читать новую для себя книгу, а потом смотреть снятое по ней кино.

В детстве мы читали, и незаметно для нас приходило внутренне понимание того, как это жить — когда обстоятельства другие или мир другой, какой выбор делать, куда идти. Проказник Карлсон учил нас: «Пустяки, дело житейское!» Пеппи Длинныйчулок — смелая независимая девочка, подсказывала, что если уж решил полить цветы, то никакой дождь не помеха. Чиполлино, мальчик-луковица из бедной семьи, боролся за справедливость. Андерсоновский садовник мог увидеть красоту цветка на грядке в огороде. Йо Мадьярок, гигант из железа, улыбаясь, мол, знай наших, сам себя плавил на металл.

Я много раз перечитывала книгу «Незнайка на Луне». Когда-то мне казалось настолько нереальным то, что происходило в обществе на Луне, что было не страшно, а весело читать об особенностях лунной жизни. Дай монетку-сантик в гостинице «Экономическая», чтобы включилась вода, еще сантик, чтобы появились кровати, сантик за постельное белье, сантик, чтобы загорелся свет. Жадные богачи и продажные полицейские выглядели забавными, мы же понимали, что коротышки-то их точно проучат. Голод Незнайки был временным, как и болезни Козлика. А остров Дураков — так, просто приключение перед спасением. Все казалось странным, но несерьезным, потому что мы верили в то, что подобное возможно только на сказочной Луне, а не на Земле, и зло будет точно побеждено добром. А потом... не знаю, был ли Носов провидцем, но более полувека назад он описал то, что творится в мире сейчас. Отброшу сравнения. Для меня очевидно главное — автор вложил в читателей веру в то, что даже коротышка Незнайка может справиться с такими проблемами, нужно только не унывать, верить в друзей, быть честным.

Или герой книги Джеймса Крюса Тим Талер, продавший то, что ему казалось важным, — свой смех. Пугающая история, в которой мальчик попал в жестокий взрослый мир, где правят нечестные деньги и мрачная власть. И ясно видно, что же важнее в жизни — внешнее благополучие при пустой душе или внутреннее счастье и чистота. Такие книги полезны всем, но как же они влияют на еще маленького человека. Читать, сопереживать и самому, наверно, еще несознательно, делать выбор, единственно правильный. А потом расти, развиваться, исходя из этого выбора. И каждая книга раскрывает перед читателем дороги, а он, откликаясь на то, что прочитал, строит себя, будущего. И мне не хочется верить, что можно сострадать в детстве Тиму, а потом вырасти и превратиться в его злейшего врага.

В пять лет мне подарили книгу Пауля Маара «Семь суббот на неделе». Тогда мне захотелось, чтобы у меня тоже появился свой Субастик. Несмотря на юный возраст, я понимала, что он выдуманный, «из книги», но детская фантазия так интересно работает, что это знание не помешало одновременно верить и в то, что если немного

постараться, то он обязательно придет. В книге он появлялся после нескольких совпадений подряд, например, в понедельник визит друга по фамилии Понеделькус, во вторник занятия с соседом-второгодником и т.д. до пятницы без перерыва. И тогда в субботу приходил он — Субастик. И с ним можно строить МДС — машину, доставляющую сосиски, проказничать, исполнять мечты. Мечты... Я пыталась вспомнить, что мне тогда хотелось. Наверно, многого, как любому ребенку. Странно, но единственное, что помню — мечталось, чтобы в нашем городе появился прекрасный сад. А у меня — собака. Я много раз пыталась сделать так, чтобы совпадения случились, а за ними и чудо. Но важное условие — подряд, было слишком трудным. Субастик тогда не пришел. Но потом у меня все-таки появилась собака, лучшая в мире собака. И несмотря ни на что мечтать я не разучилась. И — да будет сад.

Мне так нравилась книга про Субастика, что, однажды увидев ее в магазине, я купила около десятка экземпляров и раздала знакомым. Спустя много лет, стояла, единственная взрослая, среди толпы немецких детей в Германии на встрече с автором Паулем Мааром. Тогда писатель нарисовал мне на обложке книги личного Субастика.

А еще детские книги — это ностальгия. Такая же, как открытки из прошлого. Как давние фотографии. Хрупкие бумажные письма. Воспоминания. Запахи. Я это четко ощутила во взрослом возрасте, после переезда из родительского дома в свой, когда попыталась заново собрать библиотеку из любимых книг, в том числе детских. Попав в книжный магазин, я не сразу, но поняла, что новые издания не вызывают у меня того чувства родства с книгами, какое вызывали мои «книжки-старушки». Что-то важное зацепилось в памяти, что екает даже просто от вида знакомой обложки.

Как же все-таки на меня повлияли детские книги? Они до сих пор на меня влияют. До многих книг я добралась только во взрослом возрасте. Пару лет назад, например, открыла для себя роман-сказку Ричарда Адамса «Обитатели холмов». Эта книга выглядит детской, но она о борьбе за выживание, о смерти, об обретении дома, о поиске себя самого. Другие книги — понравившиеся еще в юности — я перечитываю и сейчас. На удивление мир детской литературы мне кажется иногда более настоящим, чем тот — из газет и ТВ. И чувствую, что переживания за судьбу сказочных существ, фантазийных персонажей из иных вселенных и крошечных миров так же сильны, как и много лет назад. Сказки про Муми-тролля, особенно зимняя часть, по-прежнему вызывают ощущение странной печали, даже тоски, от которой почему-то хорошо внутри. Вот снова за домом палатка Снусмумрика — странника, всегда появляющегося неожиданно и так же неожиданно исчезающего. Все так же Муми-мама прячется в саду, нарисованном на стене. Не останавливаясь, бродят по свету Хатифнатты, безмолвно, бесцельно. Муми-папа печалится на маяке на пустынном острове. А где-то недалеко воеет Морра. В который раз просыпается дома Муми-тролль в страхе и одиночестве, а вокруг царит зима. Он попадает в незнакомую жизнь с новым окружением, где приходится заботиться о других существах, спящих родственниках, предке. Где привычный мир становится чужим. Где все время ждешь весны, но зима длится бесконечно долго. Где (сейчас я уже это понимаю) он, будучи ребенком, внезапно становится взрослым. Но это сказка, и потому для Муми-тролля, что бы ни случилось, снова наступит весна.

Саша Филипенко, прозаик (г. Минск)

«Никаких сказок я не помню»

Признаваться в этом на страницах большого литературного журнала страшно, но важно — любимой детской книги у меня нет. В детстве я категорически не читаю. Нет-нет, уже с малых лет я понимаю, что книги являются для меня источником обогащения — бабушка прячет в нашей домашней библиотеке закладки, но прячет она постоянно в книгах разных, поэтому одной единственной и самой любимой у меня нет. Так, подобно многим нашим современным критикам, я книги пролистываю, но не читаю. Иногда, забыв в каком томе спрятаны доллары, бабушка сама просит меня «пройтись по писателям второй полки». Так мы и живем. Никаких сказок я не помню, отец мне ничего не читает. Чтобы я поскорее засыпал, перед сном мне ставят записки с выступлениями Михаила Жванецкого. Кажется, я и сейчас с легкостью могу вспомнить его знаменитый этюд о Барже. Что же спасает меня от гуманитарной катастрофы? Музыка! Я учусь в лицее при консерватории и мои первые любимые книги — произведения Рахманинова, Баха и Моцарта. Я «читаю» «Лесного царя» Шуберта и «Князя Игоря» Бородина. Думаю, это даже хорошо. В это время, как говорит Вуди Аллен, на уроках русской литературы тонуть веселее, чем слушать учителя. Из года в год Лидия Ивановна делает все, чтобы мы не читали. Одним словом, она делает все то, за что теперь я ей чрезвычайно признателен. Благодаря ей я открываю для себя русскую литературу в восемнадцать, а не в десять. С книгой у меня любовь настоящая, не по принуждению, чего не скажешь, например, о моем бедном сыне, которого я «мучаю» чтением каждый вечер. Ему шесть, и теперь я с уверенностью могу сказать, что моя любимая его детская книга — «Необыкновенные приключения Карика и Вали». Ромка, уверен, любимую книгу сейчас не назовет, а вот самое ненавистное произведение озвучит с легкостью — это «Большая элегия Джону Донну», которую папа, уверяю вас, продолжит читать и дальше, потому что великий рыжий поэт в довольно небольшом произведении повторяет глагол «уснул» пятьдесят два раза. А что может быть лучше и важнее для детской литературы?